

Иван
Старушкин
Автопортрет.
Нарисовать
бы зло
да сжечь!

Геннадий Малашин Письма с войны

А ведь дети войны — они были повсюду рядом со своим народом, «там, где мой народ, к несчастью, был»...

И на фронте — как дети полка, и в партизанских отрядах — как маленькие и так часто погибающие на глазах у взрослых юные разведчики, и в проклятых бараках Бухенвальда и Освенцима, и в скованном холодом и блокадой Ленинграде, и, конечно же, бесконечно много — в тылу, в эвакуации, у станков на военных заводах и на фабриках, на колхозных и совхозных полях, где, как известно (так и называется одна из представленных на выставке работ), «каждый колосок — фронту»...

«Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...»

И вот на графических работах из незавершённых серий Ивана Старушкина «Из тылового детства» и «Письма без ответа» мы с вами этих детей войны, то есть самого автора и его сверстников — видим. И забыть потом — уже не можем.

«Из тылового детства»,

«Письма без ответа»

Как правило, работы этих серий с технической точки зрения сделаны «очень просто». Неяркие, по-военному скудные и экономные в красках и цветах. Даже сами листы потемневшей, как будто бы от военных лет оставшейся бумаги цвета охры, на которых как бы и набросаны художником эти контуры, эти бережно включённые в ткань чёрно-белой графики немногочисленные пятна цвета, — даже эти листы кажутся маленькими и разысканными где-то на чердаке, отсоединёнными от газетных или книжных страниц: совсем как те самодельные «тетрадки», на которых Иван Старушкин и его ровесники писали и в 1941-м, и в 1945-м первые в своей жизни слова, набрасывали первые свои робкие рисунки...

Всего лишь: «бумага, акварель, гуашь, карандаш»...

И — потрясение, которое испытывает практически любой зритель, который видит эти работы впервые. Независимо от возраста, образования, социальной принадлежности.

«Художник, который не мог не заговорить, даже — вопреки недополученному художественному образованию и возрасту. Художник и человек потрясающей искренности», — мнение одного

О войне можно рассказывать по-разному... И в живописи, и в фильмах, и в учебниках истории...

Иван Семёнович Старушкин родился в Казахстане в 1935-м, в сложное и противоречивое время расцвета сталинского социализма.

Пожалуй, три темы были главными в стране в ту далёкую эпоху: дальнейшее строительство социализма, борьба с врагами народа и неизбежная, как многие понимали, будущая война...

Когда война началась, ему было шесть лет. Когда окончилась, он был по меркам военных лет почти взрослым...

Дети войны — драматическая часть нашей истории.

Военное детство было у Ивана Старушкина таким же, как у миллионов его сверстников. Беспросветным? Нет. Тяжёлым, горьким, трудным, взрослым, но...

Но сколько же секунд надежды было у них, детей, в те 1418 дней войны...

Тема военного детства как-то особо, отдельно почти не была отражена в советском искусстве — ни в художественных полотнах, ни в литературе, ни в кино, за малым к тому исключением... Вспомнить можно разве только некоторые книги и фильмы уже преимущественно шестидесятых-семидесятых годов: рассказ В. Богомолова «Иван» и фильм А. Тарковского «Иваново детство», Андрея Тарковского же «Зеркало», стихи К. Симонова, повесть Василия Быкова «Круглянский мост», отчасти — шолоховскую «Судьбу человека» и знаменитый одноимённый фильм С. Бондарчука, конечно же — и катаевского «Сына полка», рассказы нашего земляка Виктора Астафьева... В литературе ещё, безусловно, — документалистика, мемуары и воспоминания, начиная с «Блокадной книги» Даниила Гранина и Алеся Адамовича... Запечатлели эту тему в немногих, но оттого и таких дорогих для нас кадрах и кинохроникёры, и фронтовые фотокорреспонденты.

Иван
Старушкин

Из серии «Из тылового детства».
Прости, касатушка. 1987

из красноярских искусствоведов, участвовавших в подготовке нынешней выставки.

А это — слова из книги отзывов едва ли не единственной прижизненной небольшой персональной выставки дипломанта Всероссийской выставки графики 1987 года И. Старушкина (май-июнь 1988 года, Абакан): *«Дорогой художник! Низкий вам поклон за талант быть человеком, понимать человека, воспитывать человека. Всё это прекрасно, загадочно и жутко. В ваших работах есть тайна и жизнь, ваши картины о войне — как удары сердца. Господи! Неужели это всё написано одним сердцем и двумя руками?»*

...Сельский почтальон, старик, торопливо кладущий свежую похоронку на столбик у забора, бережно прижав этот роковой конверт природо-рожным камнем, — графическая работа «Прости, Касатушка...».

«Одолели...» — тот же старик, стоящий на коленях в дорожной пыли и прижавший к сердцу чёрную «тарелку», громкоговоритель военной поры, рупор, только что передавший голосом Левитана известие о победе...

Худые до невозможности, похожие на юных стариков, усталые мальчишка и девчонка, взявшиеся за руки и присевшие на пригорке с одуванчиками — цветами, ставшими, по рассказам самого художника, непременной частью детского рациона в военные годы (ведь «каждый колосок — фронт»). А на переднем плане, как бы за пределами рисунка, за пределами условного бумажного полотна с оборванными краями, — до ужаса реальная самодельная страшная кукла, сделанная из тряпочки и ваты, с нарисованным чернильным карандашом невесёлым и ужасающим «лицом»... «Тили-тили-тесто...» И вдруг, вновь переводя с этой страшной куклы взгляд к лицам мальчишка и девочки, понимаешь, что такие же трагические, строгие и — бессмертные лики ты совсем недавно видел где-то. Где?.. Может быть, на старинных иконах в храме?..

Вот она, связь времён, связь традиций и художественных школ...

Письма, письма с номерами полевых почт, взрослые лики маленьких детей, изнурённые фигуры их матерей и сестёр, громкоговорители, одуванчики, одинокие колоски и бесчисленные похоронки, — все «сквозные» образы графики Ивана Старушкина, часть не игрушечного — реального мира, в котором разом оказались все советские дети после двадцать второго июня 1941-го...

«Военная тайна» Ивана Старушкина

В чём же секрет, в чём тайна этих работ?..

Та самая «военная тайна», о которой была написана одна из самых сильных и загадочных детских-недетских книг того, нам уже только по рисункам да немногочисленным книгам известного, канувшего в глубины исторической памяти времени детей войны...

...Самым страшным в детстве Ивана Старушкина был летний день 1943 года, когда мать получила похоронку на отца. Этот внезапно грянувший день разделил их с матерью и без того тяжкую жизнь на две неровных части.

А самым вкусным, запомнившимся на всю жизнь, был, конечно же, вкус хлеба... До конца жизни он не мог спокойно видеть выброшенный в урну кусок хлеба, о котором каждый день мечтал в детстве.

...И всё же самым большим его сокровищем в те четыре военных года были цветные карандаши, которыми он пытался набрасывать первые в своей

Из серии «Из тылового детства».
Одолели. 1987

жизни рисунки. Берёт их. Но красный карандаш всё равно заканчивался раньше других...

Он так мечтал в детстве — нарисовать будущую Победу... А став взрослым, прожившим жизнь, мудрым и многое повидавшим человеком — будет мечтать нарисовать художю измученного мальчишку, о Победе — каждый день грезящего...

...Из Казахстана через всю страну, собрав сбережённые на дорогу копейки, он поехал после окончания школы в начале 1950-х поступать в Ленинградскую художественную академию имени Репина. Не поступил. Работы экзаменаторов заинтересовали, но мальчишку из глубинки, без художественного училища за плечами, в главную художественную академию страны так и не приняли.

Армия... Служил в Сталинграде, в том городе, защищая который, и погиб его отец.

Отслужив, поработав на Сталинградском тракторном заводе, закончил то единственное учебное заведение, которое было ему доступно, — художественно-промышленное училище в Абрамцево — и стал потом художником-оформителем в Красноярске.

Это было по-своему хорошее для художников-прикладников время: облик города постепенно преображался, были заказы, была работа...

От этого времени остались некоторые его работы, в том числе резные деревянные часы, которые он дарил родным и друзьям, резные искусные деревянные панно, которые делал по заказу

Из серии «Из тылового детства».
Тили-тили тесто... 1987

культурных учреждений и фотографии которых отчасти случайно сохранились.

Но память о прошлом не оставляла его — он хотел творить на полотне и на бумаге, он мечтал написать однажды своё военное детство. Всё, что запомнил, что мучило ночами, что пеплом Клааса стучало в его сердце.

Несколько последних лет, которые ему оставались, он провёл в Абакане. Бросил всё, уехал в 1984-м из Красноярска — и здесь началось главное дело его жизни.

Он вернулся в своё детство.

Возвращение

Одна из самых горьких его поздних работ — «Папка вернулся!...». На ней, как зрителю кажется, — он сам, маленький Иван Старушкин, отец которого так и не погиб, отец которого всё-таки, вопреки всем законам реальной жизни, однажды вернулся домой...

Он не мог не успеть добежать до нас, этот обнажённый, штанами своими, как флагом, размахивающий, этот до безумия счастливый, сквозь десятилетия бегущий прямо на нас мальчишка с одной из самых запоминающихся работ Ивана Старушкина...

Иван Старушкин рассказал нам ту свою детскую правду о войне, про которую молчали или не могли найти силы вспоминать другие...

Были годы перестройки, оттого дышать стало легче, свободнее, и он начал в 1986-м набрасывать

...таскали волоком сами. В ту ночь смя-
десят человек попрощались с жизнью.
Палачи работали, как на скотном дворе,
конвейером, без отдыха до самого рас-
света. Я еще жив, сердце бьется. Послед-
няя моя надежда — на завтра, на чудо,
на случайность. Конечно, это самообман,
и все же это то, чем живет смертник
в последние минуты. Ему не хочется умер-
еть глупой смертью, и трудно осознать,
что тебя, ни в чем не повинного, честного
советского гражданина лишают жизни.
Где же правда? Где закон? Ведь по со-
ветским законам этого не должно быть.
Кто нарушает советские законы? Кому
это надо? И зачем?

Верующие становились на колени, мо-
лились богу. Сосед мой, Кузьмук, украин-
ский, бывший секретарь тюрьмы, тоже мо-

Из серии «Такая история».

Верую! 1988

свои циклы, которые большей частью останутся в эскизах.

Вот ещё один цикл, пронзительный цикл работ о тридцатых — «Такая история».

Вот — то ли бывший священник, то ли бывший епископ, а ныне — заключённый за номером таким-то, один из тысяч и миллионов... Печать долгих мук на лице — и глубокая вера в глазах: работа так и озаглавлена — «Верую...». А фон для этого лика, который из него и ему вопреки «прорастает», — очередная пахнущая типографской краской газетная страница: «Мобилизуем бдительность!.. Враги народа опять вспомнили своего бога...»

Вот на форэскизах — ужасающие и такие «обыденные», наскоро набросанные сцены из жизни советского ГУЛАГа: собаки, конвоиры, расстрелы... «Неудачный побег. Зря убил, за убитых ничего не дают...»

И всё так же, как и в жизни: трагедия маленького человека происходит на наших глазах на фоне разросшихся до размеров монумента-колосса газетных страниц, каждый день рапортующих о расправах с очередными врагами народа — кулаками, вредителями, церковниками-контрреволюционерами...

Правда отдельной, «частной», в этих «частностях» немного даже и счастливой «судьбы

человека» (вспомним работу, которая так и называется — «Счастливая...»: женщина, прижимающая к груди выстиранную ею гимнастёрку только что вернувшегося домой кормильца) — эта малая правда вступает в последний и бескомпромиссный спор с горькой во многие времена «исторической правдой».

Где же мы в первый раз это видели и узнали?... Ну конечно же, в пушкинском «Медном всаднике», в гоголевской «Шинели», в перовской «Тройке», в суриковском «Утре стрелецкой казни», в «Реквиеме» Анны Ахматовой, в этих вот пронзительных строчках:

Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клёна
Или просто травинку зелёных,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студёной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы...

Вот как смыкаются гуманизм великой русской литературы, великого русского искусства — и гуманизм скромных графических листов оставшегося три десятилетия почти забытым и безвестным художника из Сибири...

«Такая история»

...А вот — Николай Бухарин и его вдова, Анна Ларина, наизусть заучившая письмо-обращение мужа к будущему съезду партии (рисунки «Н. И. Бухарин», эскиз «Выдержать, заучить...»)...

Существует несколько эскизов к этому так и не написанному диптиху, и всякий раз у героини будущего произведения, у вдовы, положившей всю свою жизнь на то, чтобы «вспомнить, записать, выучить, сжечь» — так должна была называться работа, — лица разных женщин, разных возрастов, разных социальных групп... Художник как будто ищет и всё не может найти тот единственный достоверный образ, который донесёт до нас образ женщины, матери (и одновременно, может быть, образ матери-родины?), сумевшей сохранить навечно идеальную правду о муже-большевике, сохранить её во все — сталинские, хрущёвские, брежневские, горбачёвские — времена...

Но окончательно этот образ так и не был Струшкиным написан. То ли уже не оставалось у него для этого земного времени, то ли, скорее, слишком глубоки оказались «всем миром» отрываемые туннели времени, шахты, схроны памяти, слишком неоднозначной оказалась эта противоречивая коллективная память социума о недавнем тогда ещё прошлом... И, как нам казалось на закате перестройки, не оставалось уже в этом прошлом в итоге ни одного идеального исторического

персонажа, ни одного подлинно бескомпромиссного революционера, ни одного перешагнувшего временные биографические рамки реального советского героя-примера «делать жизнь с кого»...

И только они, подлинные герои работ Ивана Старушкина, «частные лица», простые советские граждане, на своём хребте вынесшие все испытания двадцатого века, — только они и оказались подлинными людьми, подлинными героями этого железного и страшного века. У них за плечами и в сердце как раз и была вечная «военная тайна» русского народа: до последнего смертного часа оставаться частью своего народа, оставаться людьми, генетическая привычка быть человеком, быть им всегда, какие бы газеты и с какими идеологическими лозунгами в этот день и в этот век с утра в киосках «Роспечати» ни появились бы...

Наверное, они, эти работы, в не меньшей степени, чем о годах большого террора, рассказывают нам сегодня и об эпохе, в которую были созданы, — о времени перестройки, о нашем постепенном узнавании невятной и частичной правды о прошлом, об утраченной надежде узреть «подлинного ленинца» хоть в том же «враге народа» Бухарине с его забытым теперь снова посланием к «будущему поколению руководителей партии»...

Вот такая история...

Память

...И ещё работы, вновь из серии «Из тылового детства». Та часть истории, которая ничуть не утратила своего страстного звучания и за тридцать минувших после её написания лет.

«Сын врага народа». Карандашный портрет подростка в ватнике, маленького человека, пребывающего в раздумье, и горе, и надежде — и в безумной, в отчаянной вере в невиновность своего отца... И, над протестом карандашного портрета, такая материально-нереальная, лубочная акварель цвета сепии, старая, то ли в памяти, то ли в подкладке ватника сохранённая фотография похожего на мальчишку человека в будёновке, одного из «комиссаров в пыльных шлемах» старушкинского любимого Окуджавы... И — за изломанной линией рисунка в рисунке — чёрное пространство фона, больше самого рисунка часть бумажного полотна. Чёрное пространство, чёрное, как та ночь, которая во второй половине 1980-х, как нам всем казалось тогда, наконец-то начала сменяться долгожданной и на века уже рассветом...

И ещё одна, опять-таки вызывающая массу ассоциаций и аллюзий с бессмертными русским искусством и русской литературой, очень спокойная и пронзительная работа — «Урок сострадания». На переднем плане подросток. Перед ним — колючая проволока. За ней — узник концлагеря в полосатой робе. Над ними — крупно, отчётливо, ясно, тщательно прописанный — кусочек самого вкусного

Из серии «Из тылового детства».

Сын врага народа. 1987

на свете домашнего хлеба, через эту проволоку переданный ребёнком заключённому...

На выставке 2019 года представлены законченные рисунки Ивана Старушкина, частично вошедшие в серии «Старики» и «Память», частично оставшиеся вне циклов. Это — один из главных разделов выставки, актуальность этих рисунков сегодня, спустя тридцать с лишним лет после их написания, бесспорна. Вопросы жизни и смерти, подлинных и ложных человеческих ценностей, любви и верности — эти темы непременно возникают однажды в творчестве любого настоящего художника. В конце своего пути обратился к ним и Иван Старушкин. Эти рисунки посвящены осмыслению художником проблемы недолгой и жестокой порой человеческой памяти, в них присутствует тема неумолимого и скоротечного времени. Можно было бы объединить их и известными песенными строчками — «Этот День Победы» или «Эхо прошедшей войны». Они безыскусны и искренни, спокойны и строги, они вызывают в сердце печаль и тревогу. Ещё одна появляющаяся при их просмотре ассоциация с литературой — это «современная пастораль» Виктора Астафьева «Пастух и пастушка», та открывающая книгу, рвущая сердце сцена, когда старая женщина находит на каком-то заросшем травой поле «посреди России» могилу своего погибшего на войне возлюбленного:

«Может, была когда-то на пирамидке звёздочка, но, видно, отпирела... <...>

Она опустила на колени перед могилой.

— Как долго я тебя искала!

Ветер шевелил полыни на могиле, вытеревливал пух из шишечек карлика-татарника. Сыпучие семена чернобыла и замершая сухая трава лежали в бурных щелях старчески потрескавшейся земли... <...>

Она развязала платок, прижалась лицом к могиле.

— Почему ты лежишь один посреди России?

И больше ничего не спрашивала.

Думала.

Вспоминала».

«Где ты?». Одинокая старая женщина со скорбными глазами, с фотографией молодого солдатика в руках, на фоне памятника с монументальным словом «Победа». Кто он? Муж её, возлюбленный, брат?..

«Где ты?..»

И, вполоборота к нам и к пожилой женщине, — её ровесник, старый человек с лентой медалей на груди. Такой же одинокий ветеран?.. А может быть, это её любимый, с которым развела её навсегда война?..

И вдали от них, почти неразличимые нашему глазу, — другие ветераны, стоящие группками старики, которых всё меньше приходит сюда, к этому монументу, в этот единственный для них день в году, когда они всё ещё пока не одиноки...

«Когда лают собаки». Старик, в ужасе обхвативший голову руками, проснувшийся среди своей одинокой ночи от страшного сна о прошлом.

«Уехали». Бабушка с кринкой молока на фоне деревенского дома с покосившейся калиткой. Только что уехали так и не успевшие попить парного молока дети и внуки. И снова — она совсем одна в заброшенной деревне...

«Если бы я мог...». Снова деревня, старая женщина под яблоней, на старой деревянной скамейке, и яблоки, которые сыплются на родимую землю по старому фартуку из её ослабевших, не способных уже удержать собранные и никому не нужные плоды рук... Если бы мы только могли...

«Потерять могилу матери...». Такая до боли знакомая и ставшая в наше время вполне — увы — обычной житейская ситуация. Старое кладбище с покосившимися на нём одинокими крестами; на дороге, на переднем плане рисунок, — старенькие «Жигули» с наскоро собранным для этого дня букетиком тюльпанов на капоте; и чей-то сын, безнадежно затягивающийся сигаретой после долгих, видимо, и оказавшихся бесполезными поисков материнской могилы...

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

И вот, после этих-то должных быть оптимистическими (ведь — современность же на них изображена, когда уже ни войны и ни грохота снарядов нет вокруг!) рисунков, ты невольно торопишься вернуться, хоть за маленьким глотком надежды и веры, к той части экспозиции, где художник рассказывал нам о войне, о вере, о надежде...

«Там, на западе, сынок, наш отец...» — работа, выполненная на картоне цветными лаками. Чёрная земля, почти ночное небо, уходящая в закатную багровую даль дорога — но сколько же жизни и любви в этих прижавшихся друг другу фигурках, в матери и сыне, с верой и надеждой смотрящих на запад, откуда однажды — конечно же! — вернётся их отец...

«Секунды полёта»

...Сердце успокаивается, и мы уходим с последнего представленного на выставке раздела — это серия «Музыка» («Портреты музыкантов»). Это портреты великих композиторов прошлого, это вольные, заставляющие вдруг вспомнить Чюрлёниса, «художественные версии» их произведений (как правило — картоны и цветные лаки, бумага и пастель, и филигранные чёрно-белые карандашные рисунки, слегка тронутые прикосновением акварели и гуаши, на темы современных художников бардов).

И вот, дойдя до конца этой части наследия Ивана Старушкина, вдруг понимаешь одну простую и ясную вещь.

Несколько его последних лет — они и были музыкой, спасавшей его израненную душу, а теперь врачующей нас...

Отец Ивана, Семён Старушкин, перед тем как уйти на фронт, успел собрать из запасных частей для сына патефон, и музыка, советская военная и довоенная музыка, была с его сыном всё его военное детство. А потом, только потом в полной мере для него зазвучали Бах, Бетховен, Моцарт, Окуджава, и они звучали все те последние его четыре года...

...Сын художника, Андрей Старушкин, сохранил все сто пятьдесят работ отца, и вот в дни XXIV Красноярского краевого фестиваля духовной культуры «Покровские встречи» наконец открывается эта выставка.

Устроители назвали её по имени одной из его работ — «Три секунды полёта»... Первая выставка за все тридцать минувших после его смерти лет.

Кажется почему-то, что они очень нужны нам сегодня, эти «секунды полёта», эти мгновения несущей на себе печать времени их создания правды, мгновения, которые так и не смогла спалить до конца в сердце Ивана Старушкина окончившаяся семьдесят пять лет назад война.